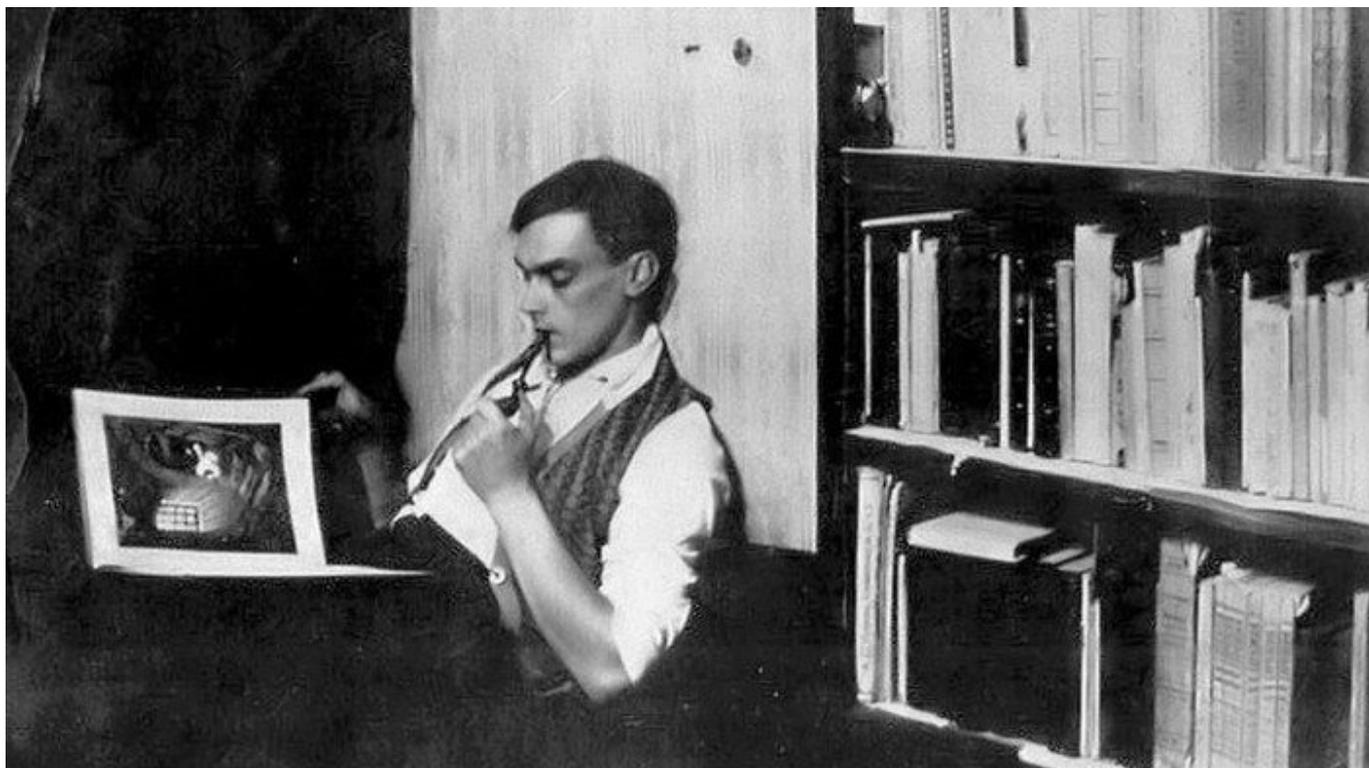

Iki şahyr: Magtymguły Pyragy we onuň terjimeçisi Arseniý Tarkowskiý

Category: Kitapcy, Magtymguılyny öwreniş

написано kitapcy | 21 января, 2025

Iki şahyr: Magtymguły Pyragy we onuň terjimeçisi Arseniý Tarkowskiý

Два поэта: Махтумкули Фраги и его переводчик Арсений Тарковский

Мы не всегда понимаем, что переводчик как бы заново рождает поэта на другом языке. Многие стихотворения Махтумкули, ставшие для нас хрестоматийными, на русском языке подарил нам прекрасный поэт и переводчик Арсений Тарковский (отец знаменитого режиссера). Вот, что мы можем прочитать в воспоминаниях другого поэта и переводчика Михаила Синельникова, опубликованных в 1997 г. в журнале "Дружба народов":

" - Какое ваше представление о счастье? – спросил меня Тарковский. И не дожидаясь ответа: – А мое – в раскаленной ашхабадской гостинице сидеть в ледяной ванне, и чтобы весь пол был покрыт дынями, и время от времени подкатывать к себе еще одну, резать и есть... И так я жил в Ашхабаде и переводил Махтумкули.

– Вы, наверное, еще получали большое удовольствие от самой работы?

– Делал сто строк в день. И если выходило сразу, отправлялся есть дыни и бросал стихотворение, пусть даже оно кончалось на сто первой. А если не получалось, сидел всю ночь...

В ушах у меня стоит его взволнованный голос, читающий стихи Махтумкули, написанные на смерть отца:

Где имам? Я стою, как пустая мечеть.

Где луна? Небесам не дано просветлеть.

Мне потока бездонного не одолеть:

Где спаситель мой, где тот пловец – Азади?

Как дивно читал стихи Тарковский! Ни на кого из прославленных декламаторов это не было похоже, ни на поэтов, ни на актеров. Читал негромко, просто и в то же время высвобождая силу самого стиха, пронзая сердце и достигая дна души. Да и, слава Богу, ему было что читать... В этих чудотворных "переводах", дарующих вторую жизнь подлиннику, он и повторил могучую круговерть твердой формы, и воскресил крылатое, неистовое вдохновение. Быть может, добавил к нему частицу собственного отчаяния...

Еще до войны Тарковский увлекся туркменской классикой, издал книгу Кемине в своем переводе. Этой книгой была очарована Цветаева, тогда началась дружба Марины Ивановны и Арсения Александровича. И вправду, стихи были прелестные...

Но Кемине – поэт крупный, а Махтумкули – непомерно большой, грандиозный. И вот он выглядит по-русски как один из величайших когда-либо рождавшихся песнопевцев. Редко бывает, когда гениальный автор и в переводе ощущается гением.

Махтумкули переводили многие, иные – мастерски. Однако совершить невозможное удалось только Тарковскому. И, может быть, все приходит в срок, как ни жестоко это звучит... Будущему переводчику нужно было пройти через страшную войну, вернуться с нее калекой, терпеть фантомную боль от потерянной ноги (не покидавшую Тарковского все годы). Нужно было утратить последние иллюзии, узнать о судьбе своей книги, уничтоженной в наборе после "ждановского" постановления об Ахматовой и Зощенко ("Мне не удалось доказать, что я не Ахматова и не Зощенко!"). Впрочем, конечно, не напрасно чуяли вражью душу: Зощенко он любил, Ахматову боготворил...

Старые друзья звали его в Ашхабад, в ту песчаную пустыню, о которой некогда сказал Саади, что она прекраснее всех садов земных. Звал Берды Кербабаяев, с которым связано много удивительных историй, но это – особая повесть... Роман Кербабаяева, продвигавшийся к Сталинской премии какой-то степени, чрезвычайно вольно перевела тогда Татьяна Алексеевна Озерская, переводчица из "кашкинской" школы англо-американистов. Тарковский, чья совместная жизнь с Татьяной Алексеевной в те дни начиналась, зарифмовал поэтические куски этой жизнеутверждающей прозы. В награду были выданы подстрочники Махтумкули...

Между прочим, перед отъездом в Ашхабад у Арсения Александровича и Татьяны Алексеевны зашел спор: лететь или ехать поездом? Татьяна Алексеевна настояла на поезде, а самолет прилетел как раз в день апокалиптического землетрясения. С тех пор Тарковский старался слушаться жены... И вот месяца за три он и сотворил свое чудо. В Фирюзе, расположенной недалеко от туркменской столицы. ... Три тысячи строк Махтумкули, переведенные Тарковским, – нетленны и в переводе.

Еще надеюсь... Может быть, жизнь, так ускорившая свой бег, приведет меня однажды и на родину Махтумкули...

Откровенно говоря, я считаю работу над Махтумкули главным творением Тарковского, превосходящим решительно все остальное."

Мы видим, что Арсений Тарковский не просто перевел стихи Махтумкули. Произошло слияние душ двух поэтов разных национальностей, разделенных веками... Будем помнить, кому мы обязаны появлением на свет чудесных стихотворений Махтумкули на русском языке... Вот только часть из них:

■ Будущее Туркмении

Овеяна ширь от хазарских зыбей
До глади Джейхуна ветрами Туркмении.
Блаженство очей моих, роза полей, –
Поток, порожденный горами Туркмении!

И тень, и прохлада в туркменских садах:
И неры и майи пасутся в степях;
Рейхан расцветает в охряных песках;
Луга изобильны цветами Туркмении.

В зеленом ли, алом ли пери пройдет, –
В лицо благовонною амброй пахнет.
Возглавлен дружнейшими мудрый народ,
Гордится земля сыновьями Туркмении.

Душа Героглы в его братьях жива:
Взгляните, друзья, на туркменского льва:
Пошады не ищет его голова,
Когда он встает пред врагами Туркмении.

Единой семьей живут племена,
Для тоя растелена скатерть одна,
Высокая доля отчизне дана,
И тает гранит пред войсками Туркмении.

Посмотрит на гору во гневе джигит –
Робеет гора и рубином горит.
Не воды, а мед в половодье бурлит,
И влага – в союзе с полями Туркмении.

Туркмена врасплох не застигнет война;
Былую нужду позабудет страна;
Здесь розы не вянут – из них ни одна
Не ропщет в разлуке с певцами Туркмении.

Здесь братство – обычай, и дружба – закон
Для славных родов и могучих племен,
И если на битву народ ополчен,
Трепещут враги пред сынами Туркмении.

Куда бы дороги туркмен ни вели,
Расступятся горные кряжи земли.
Потомкам запомнится Махтумкули,
Поистине станет устами Туркмении.

■ Изгнанник

Я на родине ханом был,
Для султанов султаном был,
Для несчастных Лукманом был.
Одеянием рдяным был,
Жизнью был, океаном был –
Жалким странником ныне стал.

Для слепого я зреньем был,
Для немого реченьем был,
Дум народных кипеньем был.
Душ влюбленных гореньем был,
Пеньем был, угощеньем был –
Нищим я на чужбине стал.

Я, Фраги, ятаганом был,

Я червонным чеканом был,
Роц небесных рейханом был,
Над горами туманом был,
Был счастливым, желанным был,
Был дворцом – и пустыней стал.

■ Глаза Менгли

Живую душу погубили
Два палача – твои глаза;
Опять немилостивы были,
Как два бича, твои глаза.

Одной тебе ходить не надо,
Крутую бровь сурьмить не надо,
На встречных наводить не надо
Два злых меча – твои глаза.

Пощады я прошу, стеная,
На мир ложится мгла ночная,
Разит влюбленного двойная
Твоя праща – твои глаза.

Горит Фраги, а в горнем стане
Царит смятенье: здесь, в Туране,
Поют не бога мусульмане,
А два луча – твои глаза.

■ Луна

Когда блеснул твой лунный лик,
Я обезумел и, сгорая,
Душой трепещущей постиг
Невнятные напевы рая.

Приди, душе покой верни,

Моих соперников казни,
Побудь со мной в ночной тени,
В моей степи весной играя.

Я жду, а в сердце – вешний страх;
Я жду, как дикий тур в горах.
Поешь – и соловьи в садах
Запеть не смеют, замирая.

Фраги, ты – раб крутых бровей
И глаз возлюбленной твоей!
Луна встает из-за ветвей,
Для жертвы жребий выбирая...

■ Добро и зло

Народу – сила, мир, беседа,
Семейных очагов тепло;
Джигиту – битва и победа,
Булат и крепкое седло.

Ложь предоставь на все готовой
Мирской молве. Не надо слова
Ни раздраженного, ни злого:
Народ мой ненавидит зло.

Уходит жизни гость мгновенный.
Но не скудеет хмель блаженный:
Пирует жизнь. Творца вселенной
Непостижимо ремесло.

Не нам гадать о нашей доле;
Я только вскрикнул поневоле, –
Мне жаль тебя, морщины боли
Тебе врезаются в чело.

Мы сами выковали чаши

Добра и зла. В них судьбы наши.
Скажи, Фраги, какая краше.
Пока нам время не пришло!

■ Изменило мне счастье...

Изменило мне счастье, мучительный мир!
Скинуть с плеч невозможно твой тягостный гнет.
Нет лекарств для меня; я печален и сир.
За тобою по следу мой разум бредет.

В белый саван оденется тело мое,
Ты на чашу весов положил бытие.
Я, безумец, из рук твоих принял питье.
Что ты делаешь? В кровь превращается мед.

Каждый помысел мой исполняется зла;
Я взлететь не могу – ты подрезал крыла;
Золотая казна моя в землю ушла...
Бренный мир, я твоих не желаю щедрот!

На базаре твоём заблудилась душа;
Плоть моя истомилась, любовью дыша.
Плыл я по морю, к пристани дальней спеша,
Но кипучей волной захлестнуло мой плот.

Дивный муж посетил меня в горе моем;
Следом юноша некий пришел, а кругом
Черный ветер свирепствовал в мире ночном,
И над юртой незримый дрожал небосвод.

Кто мой гость? Кто пятнадцать стремянных его?
Он в огне, но его не горит естество;
Слово мужа – пророчество и волшебство,
И без лука он стрелы пернатые шлет.

Кто – крылатый – означил земные пути,
По которым Исе предстояло пройти?
Ни слону, ни коню переправ не найти,
Если гнев его ливнем на землю падет.

Восемь дней горевал, десять дней тосковал
И безмолвные слезы в тоске проливал,
И спустился я в дол, перейдя перевал,
Словно гнал меня дивов озлобленных род.

Здесь четыре стихии связует вражда;
Проповедуют правду земля и вода;
Пред огнем не согреется дева, когда
Зимней стужей кончина в лицо ейдохнет.

Повествует Фраги о чудесных делах.
Божьи слезы – жемчужины падают в прах.
Обо мне вседержитель скорбит в небесах:
Душу отдал бы я, да никто не берет.

В праздник, посвященный памяти Махтумкули, вспомним и его скромного российского собрата, который дал нам возможность приникнуть к источнику поэзии величайшего туркменского поэта, насладиться его мыслями и поэтическими образами.

Жанна Повелицына.

infoabad_2012 Magtymgulyny öwreniş